

творческий портрет

В реалистическом ключе

Художник С. Г. Болле работает в двух театрах — «Красном факеле» и Новосибирском театре музыкальной комедии. Уже один этот факт говорит о многом. Если два театра приглашают именно Болле, видимо, он устраивает режиссеров разных творческих почерков. Красноречив и перечень спектаклей, в которых Болле выступает в качестве одного из главных творцов произведений: «Летучая мышь» и «Феномены», «Золушка» и «Восемь любящих женщин», «Сладка ягода» и «Одна ночь»... Классическая оперетта и волшебная сказка для детей, сатирическая комедия и драматическая повесть, история давно забытых дней и современный рассказ с точно вылепленными характерами.

К какому бы жанру ни обращался Болле, он решает спектакли в реалистическом ключе. В отличие от мастеров, любящих броскую форму, необычные композиции, Болле прост в своих решениях. Но это только видимая простота. За обычным, житейским всегда можно обнаружить второй план, подтекст, столь важный в театре вообще.

Вот две работы, в которых это проявилось наиболее ярко: драма Б. Горбатова «Одна ночь» и музыкальная комедия «Сладка ягода», созданная по мотивам произведений В. Шукшина. Оформлять современную пьесу труднее, будь то оперетта или драматический спектакль. Выстроить декорации для «Летучей мыши» или «Марицы» легче, чем для спектакля из жизни сегодняшней.

...«Одна ночь». Суровый, мужественный рассказ о людях войны, о тех, кто оставался верен до конца своей Родине, и кто трусливо предавал самое святое в жизни.

Обычный, ничем не примечательный дом в одном из кавказских городков. Высокие груши у входа. Скворечники на деревьях. Крыльцо, ведущее на улицу. В комнате, где живут Богатыревы, все просто: старинные стулья, на которых

сидели деды, зеленый диван, тоже много повидавший на своем веку, круглый стол, покрытый зеленой скатертью. Там, в доме, все в порядке, все на своем месте, как и в мирное время. Но нет мира в стране, нет мира и в семье Богатыревых. Все шатко, неустойчиво. Глава фамилии твердо верит в правое дело своего народа. Его не свалишь с ног ни артиллерийскими залпами, ни ветром тревог и сомнений. О других этого сказать нельзя. Мечутся, выбирают, приспособляются... И чтобы оттенить эту смятенность чувств и настроений, художник разбрасывает на авансцене разные вещи: корзина с бельем, которая перевернулась да так и осталась лежать; чемодан, высохший от старости, с торчащей из-под крышки куклой, забытой, ненужной и какой-то желкой в эти страшные дни; колесо от телеги, словно бомба рванула рядом, и вырвала его, а лошадь и хозяина убила; консервная банка около колеса и детский мячик, забытый, брошенный. Где она, девочка, которая играла им! Художник точно и ярко показывает зрителю: нет ее, этой маленькой девочки, унесла война навсегда.

Загрохочут залпы орудий, задрожит дом, застнут люди. Мелкими шажками засеменил заведомо Новожилов, готовясь встретить новую власть хлебом и солью, с трудом вспоминая немецкие слова. И красным огнем будут вспыхивать окна и двери в доме Богатыревых, да и над самой крышей, у скворечников, кровавые красные полосы напомнят о трагедии в этой семье. Красный цвет читается тут как символ военного пожара, военной грозы.

Вот они, кажется, уже близко, новые хозяева, немцы. Выстроились, ждут их шкурники. И тихо стало во круг. Ни взрыва, ни грохота. А вместо красного над домом и в окнах голубой или светло-зеленый свет. Кажется, правы трусы и предатели. Но нет. Враг отбит. И этот голубой цвет — символ радости, но не той, которую ждали Новожи-

лов и его дружки. Так парадокс драматургический, эффект неожиданности, найденный драматургом, находит точное решение в работе художника. И голубой цвет тоже становится символом нерушимости идеалов, в которые верит глава дома Максим Андреевич Богатырев.

«Сладка ягода» — трудная пьеса. Работать над ней не просто, особенно художнику. И все-таки, если говорить честно, то именно Болле ближе всего подошел к шукшинскому замыслу. И в высоких березах по обе стороны сцены, и в голубом, прозрачно-чистом фоне, на котором четко выписаны маленькие, ухоженные домики с красноватыми крышами, и в резных окнах или спускающихся сверху фонарях чувствуется не просто любовь художника к жизни народной, простецкой и заправной, но и теплый юмор, свое отношение к тем явлениям, которые Шукшин отрицает своим смехом.

Сценическое решение странности удобно для актеров, в нем легко жить, танцевать и петь. А задник с деревьями не остается мертвым, он живет в зависимости от ситуации. И мы видим, как эти деревья на наших глазах легко и смешно (так и должно быть в оперетте) двигаются или вспыхивают огнем близкого пожара, или приходят в смятение в те минуты, когда в сердце героев приходит отчаяние, тревога. А потом снова все — и деревья, и домики на горе, и резные деревянные окна, загораются радостным сиреневым светом, несущим с собой ощущение добра, любви и надежды.

Спектакли, оформленные рукой С. Г. Болле, разные. Но почерк один. Главное в нем — стремление просто и художественно точно прочесть авторский замысел. Многие скажут: есть художники более оригинальные, яркие. Не спорю. Есть. Но мы говорим о Болле, исходя из его собственного видения мира, в котором главная краска — реализм.

К. ГАГИШВИЛИ,
художник.